

УДК1(47)

ББК 87.3(2)522-685

Владимир Витальевич Сидорин

Институт философии Российской академии наук, кандидат философских наук, научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: vlavitsidorin@yandex.ru

Проблемы и перспективы соловьевских штудий

Аннотация. Кратко рассматривается состояние современной истории русской философии, проблемы которой связываются, с одной стороны, с доминированием в исследовательском пространстве, общественном сознании и медиа историко-мемориальной стратегии и стремления к политико-идеологической актуализации, а с другой – с господством языка самоописания и моделей самоинтерпретации русской философии первой половины прошлого века, а также разрывом между сообществом историков русской философии и иными сегментами российского философского сообщества. Обращается внимание на отсутствие фундаментальной историко-философской программы исследований, а также поиска новых оптик и перспектив интерпретации. Показано влияние общей ситуации на состояние соловьевских штудий, потерявших присущий им ранее темп и амбициозность. Вместе с тем указывается не только на общее влияние наследия Владимира Соловьева на многие сюжетные линии истории русской религиозно-философской традиции, но и возможная актуальность отдельных аспектов его мысли в современных дискуссиях, связанных, например, с теозстетической парадигмой, исследованиями постсекулярности, обсуждением перспектив (пост)метафизики. Делается вывод о невозможности простой ретрансляции и механического приложения соловьевской мысли к современным философским дискуссиям и о необходимости поиска новых исследовательских стратегий, способов чтения, интерпретации и творческого использования наследия философа.

Ключевые слова: историко-мемориальная стратегия, философия всеединства, теозстетика, экumenизм, христианская политика, русская идея, постсекулярность, постметафизика

Vladimir Vitalyevich Sidorin

Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences, research scientist of the Department of History of Russian Philosophy, PhD (Philosophy), Russia, Moscow, e-mail: vlavitsidorin@yandex.ru

Problems and Prospects of the Solovyov's Studies

Abstract. The article briefly examines the state of the modern history of Russian philosophy, the problems of which are connected, according to the author, on the one hand, with the dominance in the research space, public consciousness and media, historical and memorial strategy and the desire for political and ideological actualization, and on the other – with the dominance of the language of self-description and models of self-interpretation of Russian philosophy of the first half the last century, as well as the gap between the community of historians of Russian philosophy and other segments of the Russian philosophical community. It is proved that the history of Russian philosophy lacks a fundamental historical and philosophical research program, as well as the search for new optics and perspectives of interpretation. It is shown that this general situation also affects the state of Solovyov's studies, which have lost their previous inherent pace and ambition. At the same time, it is pointed out not only about the general significance of Vladimir Solovyov's legacy for many lines of the history of the Russian

religious and philosophical tradition, but also the possible relevance of certain aspects of his thought in modern discussions related, for example, to the theoesthetic paradigm, post-secularity studies, and discussion of perspectives of (post)metaphysics. The conclusion is made about the impossibility of simple retransmission and mechanical application of Solovyov's thought to modern philosophical discussions and the need to search for new research strategies, ways of reading, models of its interpretation and creative use compared to those created in the past.

Kew words: historical and memorial strategy, philosophy of unity, theoesthetics, ecumenism, Christian politics, Russian idea, postsecularity, postmetaphysics

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.3.076-082

Современное состояние исследований в области истории русской философии, на мой взгляд, довольно болезненное. При этом хотелось бы подчеркнуть, что речь идет именно об общем состоянии соответствующего исследовательского пространства, что, конечно же, не исключает отдельных ярких и положительных моментов, несомненных успехов и пр. Однако в целом не покидает ощущение, что мы в лучшем случае просто топчемся на месте, вспоминая те или иные идеи, книги или мыслителей чаще всего по двум поводам. Во-первых, в рамках своего рода мемориальной политики, значимость которой для поддержания и развития национально-культурной памяти, разумеется, нельзя недооценивать, однако хотелось бы большего – осуществления действительного приращения знания, а не торжественных юбилейных деклараций. Во-вторых, в рамках политической актуализации тех или иных идей из истории русской философии в контексте соответствующей повестки дня. Отечественная философская мысль характеризуется известным политическим напряжением, поскольку – так уж сложилось, да и исторические и политические обстоятельства последних двух веков этому, так сказать, благоприятствовали – значительное внимание уделяла вопросам смысла истории, места России в ней, специфике национального и т.п. И сейчас можно постоянно наблюдать попытки – с самых разных сторон – использовать это политическое напряжение в современном контексте. Но то, что когда-то было живой мыслью, мучительным и выстраданным откликом на вполне конкретные культурно-исторические обстоятельства, при попытке, так сказать, «простого переноса» превращается в громкие, но пустые лозунги, которые не добавляют нам знания ни о тех, чьи идеи мы пытаемся так механически использовать и воспроизводить, ни о нас сегодняшних. И все бы ничего: хотят люди бороться за единственно верно понятое политическое наследие русской философской мысли – пожалуйста, но этот постоянный политический и политиканский шум, мягко говоря, не способствует собственно исследовательской работе (понимаемой как коллективные, институционально организованные, а не индивидуальные усилия), превращая дисциплину в поле политических баталий.

И то относительное внимание, которое история русской философии получила в последние несколько лет в общественном сознании и медиа, на данный момент скорее способствует усугублению этих проблем, чем поиску их решения, поскольку и общественное сознание, и медиа сейчас склонны в своем интересе, как правило, концентрироваться именно на памятных, юбилейных моментах и актуализации на злобу дня

(часто в худшем смысле этого выражения). Излишняя фиксация сообщества на этих двух поводах – по меньшей мере, одна из причин того, почему крайне сложно, положив руку на сердце, говорить о явных успехах и достаточной активности исследований в области истории русской философии (что не отменяет, повторимся, явных успехов и продуктивной активности отдельных исследователей).

Истории русской философии как исследовательской дисциплине сейчас, по моему мнению, очень сильно не хватает двух вещей. Во-первых, фундаментальной историко-философской и, если угодно, историко-филологической работы, которая позволила бы представить наследие прошлого в должном виде. Примеры такой работы, конечно, есть – скажем, полное собрание сочинений и писем К.Н. Леонтьева, но эти редкие примеры, скорее, подтверждают и оттеняют общую ситуацию. А эта работа чрезвычайно важна, поскольку дает представление о том или ином наследии во всей его полноте, сложности, полемической напряженности, многочисленных неувязках и натяжках, закладывая тем самым основы для серьезного научного разговора, а не торжественных мемориальных воспоминаний или злободневных политических дискуссий. Или другой пример... В последние годы в серии «Интеллектуальная биография» издательства «Дело» вышел целый ряд биографических исследований, написанных увлекательным и – что важно – современным языком и дающих актуальное и панорамное представление о жизни и творчестве Ж. Деррида, В. Бенямина, Л. Витгенштейна, Р. Барта, Б. Рассела и других ключевых фигур западной философии прошлого века. Ничего аналогичного – повторимся, именно в качестве тенденции, программы, а не отдельных примеров – в области истории русской философии не существует. Что, например, соответствующее научно-педагогическое сообщество может рекомендовать своим студентам для формирования и закрепления интереса в качестве литературы, позволяющей получить представление о творческом пути Владимира Соловьёва? Только известные книги Е.Н. Трубецкого, С.М. Соловьёва, А.Ф. Лосева² – работы замечательные и классические, но написанные в другое время, в другом контексте и в общем-то другим языком.

Во-вторых, сильно не хватает духа здорового исследовательского поиска новых оптик и перспектив для интерпретации и подлинной, научной актуализации истории русской философии. Такие примеры, опять же, есть – попытки интерпретировать русскую религиозно-философскую традицию в контексте проблематики современной философии религии или определенный срез отечественной политико-философской мысли в рамках республиканизма, но опять же, это, скорее, отрадные исключения, а не тенденция. Это видно, кажется, и в соловьевских штудиях: есть определенное закоснение исследовательских сюжетов – тематические опорные точки (софиология, всеединство, экуменизм, либерализм / консерватизм Соловьёва, русская идея и т.д.), вокруг которых выстраивается соответствующее исследовательское сообщество. Их возникновение понятно и логично, но сейчас, как нам кажется, очень важно найти – или хотя бы попытаться это сделать – способы читать Соловьёва иначе и по-новому. Такой поиск – всегда путь с открытым концом, ре-

---

² См.: Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С. Соловьёва. Т. 1–2. М.: Медиум, 1995 [1]; Соловьёв С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва. М.: Республика, 1997 [2]; Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Молодая гвардия, 2009 [3].

зультаты и значимость которого трудно предугадать, но без него, думается, история русской философии вообще и наследие Вл. Соловьева в частности и дальше обречены существовать лишь в мемориальном модусе и в качестве материала для псевдоактуализации идеологического характера.

Все эти негативные тенденции хорошо видны на примере судьбы наследия Вл. Соловьева. С одной стороны, внимание к нему – величина сравнительно постоянная, его никоим образом нельзя отнести к забытым фигурам, и плодотворная деятельность журнала «Соловьёвские исследования» прекрасно это демонстрирует. С другой стороны, пожалуй, можно сказать, что это внимание обусловлено во многом своего рода техническим моментом – тем фундаментальным местом, которое Соловьев занял в «каноне» русской философской мысли и которое как бы «обязывает» сообщество в какой-то степени не обделять его своим исследовательским вниманием. Однако фундаментальная историко-философская работа по академическому освоению его наследия, как кажется, потеряла темп и уже не демонстрирует некогда присущей ей живости и здоровых амбиций. И если «Соловьёвские исследования» продолжают свою деятельность, то, скажем, проект Полного собрания сочинений и писем Вл. Соловьева уже много лет находится в кризисе. И дело не в самом наследии философа – дескать, оно сейчас звучит уже не так, как, скажем, двадцать лет назад. Дело, на мой взгляд, скорее, в общей, отмеченной выше болезненности состояния дисциплины, а если говорить про проект собрания, и в целом ряде непростых организационных обстоятельств, сопутствовавших его истории. Кроме того, у нас складывается впечатление, что вокруг Соловьева – как и многих иных русских мыслителей – существует нездоровое политическое воодушевление: его этический проект 1890-х гг. или, например, проблематика «Теоретической философии» даже профессиональное сообщество – не говоря уже о медиа и общественном сознании – интересуется значительно меньше, чем его же общественно-политическая деятельность и публицистика – ранее славянофильство, концепция «русской идеи», борьба за воссоединение церковей в конце концов.

Эти основные модусы существования истории русской философии – мемориальный и политико-идеологический – закрепляют и без того существенную проблему, а именно то обстоятельство, что в исследовательском пространстве по-прежнему доминируют языки самоописания и модели самоинтерпретации, заданные самой философской мыслью прошлого. Мы до сих пор смотрим на историю русской философии глазами, например, В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Г.Г. Шпета, Б.В. Яковенко, причем выбор здесь, опять же, во многом зависит от политической ориентации самого исследователя. Эти три момента – доминирование моделей описания, сформулированных 50–100 лет назад, историко-мемориальная стратегия и избыточная политизация русской философской мысли – формируют тот замкнутый круг, из которого история русской философии, как кажется, никак не может выбраться, но в рамках которого чрезвычайно сложно говорить о какой-либо действительной актуальности или актуализации наследия, идей того или иного мыслителя. Проявляется это и в соловьевских штудиях.

Значение Соловьева для русской религиозно-философской традиции трудно переоценить. Он, очевидно, как бы «запустил» многие линии, создал своеобразные точки опоры для нескольких последующих поколений философов (из тех, кто при-

знавал религиозно-философскую систему координат в качестве своего творческого и исследовательского пространства). Довольно часто, правда, когда обращаются к той или иной линии, имеют в виду уже не его, а того (или тех), кто эту линию развил, продолжил, переработал, увел в сторону и т.д. и т.п., – в общем, придал ей более определенную и четкую форму по сравнению с теми контурами, которые наметил Вл. Соловьев. Показательный пример – софиология, с которой, как кажется, все больше начинает ассоциироваться имя о. Сергия Булгакова, но отнюдь не Соловьева. Однако вопрос об общем (а не конкретном историко-философском) значении творческого пути философа – дело все-таки преимущественно историко-мемориального характера. Иное дело – проблема (не)актуальности его наследия.

Этот вопрос упирается, конечно, в то, под какой знаменатель мы должны подвести это наследие, что мы имеем в виду, когда говорим о нем, какова его общая формула. Вопрос, как известно, не праздный уже потому, что даже в истории соловьевских штудий возник конфликт интерпретаций, связанный с тем, понимать ли его творческий путь как нечто более или менее единое и целостное или же равным счетом наоборот – как путь, сложенный из каких-то резких поворотов, отказа от решения предыдущих задач, смены курса и т.д. Эту общую формулу, думаем, чрезвычайно трудно найти, да и вряд ли она нужна – если только для целей школьной дидактики. Но даже если принять, что искомая формула – философия всеединства, она все равно не охватывает всех аспектов и граней творческого наследия Вл. Соловьева.

Честно говоря, я довольно скептически отношусь к возможностям и перспективам существования философии всеединства сегодня – именно в качестве живой исследовательской стратегии, актуальной философской традиции. Слишком крепко она, на мой взгляд, связана со вполне конкретным историко-философским (и историко-культурным вообще) контекстом, который с тех пор, разумеется, радикально изменился во многих отношениях. Всеобъемлющие синтетические устремления и модели описания, так свойственные, например, немецкой классической философии или русской религиозно-философской традиции, отошли в прошлое, «не звучат». Это не значит, что ситуация не может когда-нибудь измениться: истории философия знает примеры неожиданного и живого, а не формального «возрождения» философских школ, направлений и традиций. Да и до определенной степени пафос синтетического поиска в философском знании неустраним, будучи заложен в самой его природе, в его амбициозном устремлении к пределам, границам, основаниям. И в этом отношении философия всеединства – в том числе, и соловьевская – и далее будет примером наиболее масштабного в отечественной философии поиска подобного рода, уже в качестве такового заслуживающего самого пристального внимания.

Однако не стоит недооценивать – впрочем, и переоценивать тоже – и более конкретное значение наследия Соловьева для многих современных дискуссий (и не только философских), даже если в них напрямую не звучит его имя.

Очевидно, что экуменическая деятельность Владимира Соловьева, на которую он положил столько времени и творческих и жизненных сил, не созвучна сегодняшнему дню – его программа в этом отношении слишком радикальная и фундаменталистская. Но в принципе с исторической повестки не снята возможность христианского диалога, пусть сегодня для него не самое лучшее время. А значит, экуменизм Соловье-

ва, воспринимаемый не как радикальная церковно-политическая и интеллектуальная программа, обязательная к реализации именно в предложенном им виде, а как искренние устремления, направленные на поиск точек соприкосновения между христианскими конфессиями, еще найдет своего благодарного читателя. То же касается, на мой взгляд, и христианской политики. Вряд ли на исходе первой четверти XXI в. мы можем разделять наивность (видную с перспективы сегодняшнего дня) и утопизм, свойственные Владимиру Соловьеву в этом отношении, однако этос христианского преобразования политического, думается, вполне сохраняет свое реальное значение, пусть и в качестве одного из возможных регулятивных, ценностных принципов, а не жесткой идеологической программы по тотальному переустройству общества.

В последнее время весьма популярны рассуждения о «русской идее», национальном своеобразии, специфике исторического пути и т.п. Вспоминают в этом отношении и Соловьева: и его ранние славянофильские «Три силы», и «Русскую идею» и др. Но часто в этих разговорах упускается из виду, что, во-первых, философ не мыслит национального вне рамок универсального, всечеловеческого, а во-вторых, даже формулируемое им конкретное национально культурно-историческое своеобразие мыслится не как привилегия, индульгенция и пр., а как тяжелое бремя, ответственность, импульс которой направлен на внутреннее преобразование, внутреннюю национальную и индивидуальную работу, а не на внешнюю репрезентацию. Это сложное отношение Соловьева к национальной культурно-исторической специфике, свободное от впадения в крайности отрицания и возвеличивания, – то, чего сегодня как раз очень сильно не хватает.

Говоря о собственно философском в строгом смысле этого слова наследии Владимира Соловьева сегодня, невозможно не отметить, что как минимум несколько центральных для него тем достаточно горячо и интенсивно обсуждаются в современном, в том числе российском, сообществе. Можно вспомнить, например, теозстетическую парадигму в современных богословских и философско-богословских дискуссиях. И пусть это обсуждение, в том числе критическое, центрируется сейчас вокруг иных имен – Ганса Урса фон Бальтазара, Дэвида Бенгли Харта, архим. Иоанна Пантелеимона (Мануссакиса) и др., оно позволяет говорить о современном звучании многих аспектов философской мысли Вл. Соловьева. То же относится и к важнейшей для русского философа линии переосмысления эпистемологического статуса религиозной веры – мотив, вновь и по-новому зазвучавший в исследованиях, дискуссиях вокруг так называемой постсекулярности. Примечательно, что обе линии как раз снова задают возможность поиска оснований для внутрехристианского, а также светского и религиозного диалогов, что так волновало и вдохновляло Владимира Соловьева. Невозможно не вспомнить и тенденцию возрождения интереса к метафизике, «постметафизическим» исследованиям: и здесь, думается, философское наследие Соловьева, как и русскую религиозно-философскую традицию в целом, тоже рано списывать в архив. Конечно, это все определенные сегменты современного философского пространства, однако, строго говоря, философии как целостности сейчас и не существует – это разнородное, в значительной степени сегментированное пространство (сегменты которого, впрочем, конечно же, не существуют изолированно друг от друга), и в каких-то его точках мысли и находки Соловьева сохраняют значение, а в каких-то – скорее, нет.

Но это нормальная ситуация. Как и то обстоятельство, что за время, прошедшее со смерти мыслителя, философия проделала большой и неоднозначный (впрочем, как всегда) путь, обзаведясь новыми языками, многочисленными концептами, иными вызовами и т.д. И попытки использовать соловьевские идеи сегодня не могут не учитывать эти обстоятельства: гораздо вернее, с моей точки зрения, искать конкретные точки приложения тех или иных аспектов его мысли к современной философской повестке, отчетливо понимая, что далеко не все может быть использовано и далеко не везде Соловьев уже «уместен», а там, где так, его мысль не может быть просто ретранслирована, механически приложена к современным философским проблемам и дискуссиям, чем повторять общие торжественные формулы о сохраняющемся значении его творческого наследия.

Другое дело, что, даже если, казалось бы, есть созвучия, переклички, «мостики» между современными философскими дискуссиями и соловьевской мыслью, не выходят на первый план в силу своего рода параллельного существования сообщества историков русской философии и иных сегментов профессионального философского сообщества России – отдельная проблема, требующая обсуждения и поиска возможных решений.

Соловьев важен и в другом отношении. Философское сообщество, как и любое другое, склонно распадаться на группы, «кланы», кружки, противостоящие или пренебрежительно игнорирующие друг друга (зачастую по политическим или институциональным, а не иным причинам). Соловьев первым в истории отечественной философии представил масштабный и харизматичный пример философского этоса *per se*, принципиально неготового подчиняться таким образом организованному интеллектуальному пространству. Думается, что этот этос – чуть ли не единственное из соловьевского наследия, что мы можем, не сомневаясь, полностью перенести в современный нам контекст, все остальное – нуждается в новых исследовательских стратегиях, способах чтении, иных по сравнению с созданными в прошлом моделями интерпретации и творческого использования русской философской мысли прошлого.

Список литературы

1. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С. Соловьева. Т. 1–2. М.: Медиум, 1995. Т. 1. 606 с.; Т. 2. 622 с.
2. Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. М.: Республика, 1997. 431 с.
3. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 617 с.

References

(Monographs)

1. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyev and his Time]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2009. 617 p.
2. Solov'ev, S.M. *Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya Vladimira Solov'eva* [Vladimir Solovyev's Life and Creative Evolution]. Moscow: Respublika, 1997. 431 p.
3. Trubetskoy, E.N. *Mirosozertsanie V.S. Solov'eva. T. 1–2* [V.S. Solovyev's Worldview. Vol. 1–2]. Moscow: Medium, 1995. 606 p.; 622 p.